

Отыскав удобное место на обрывистом берегу, я расположился под толстым осокорем, подмытым течением, и достал из рюкзака еду. Вода прибывала. Охота была закончена. Я решил немного передохнуть ? и домой. Могучий осокорь мелко дрожал, и солнечные блики металась по его стволу, пугались в набухших ветках. Птичий гомон несся из травы, с осокозя, с неба. Им было переполнено все вокруг. И вдруг это веселое разноголосье разом угасло. Трясогузка с черной ермолкой на голове вспорхнула с нижнего сука осокозя и затаилась в мокром тальнике. С острова медленно поднимался коршун. Он неторопливо, с хозяйской степенностью закружился над рекой, подобрав когтистые лапы. Я попытался поймать его на мушку, но хищник, почувствовав ружье, свалился на левое крыло, пошел было вниз, а потом стремительно взмыл над островом, мелькнул на солнце грязным пятном и постепенно растворился в синеватой дымке за горой. Я бросил нарядного чирка под дерево и, привалившись к осокорю, задремал. ? Э-э, мил человек, приехали! ? услышал я голос и встряхнулся. Вода поднялась еще выше и с шипением кружилась возле моих ног. Я отодвинулся и повернулся к человеку, который с насмешкой поглядывал на меня. ? Спать надо у места, ? с укором сказал он. Затем, нагнувшись, снял с плеча мокрый мешок, взвесил на ладони моего чирка и прибавил: ? фунт, не боле. Он пренебрежительно отбросил чирка, вытер о голенище кирзового сапога ладонь и спросил: ? Папироска найдется? Аппетитно затянувшись дымком, незнакомец, как бы оправдываясь, заговорил: ? Курево-то у меня есть, самосад, через колено ломаный. Надоел. ? Он вздохнул, сокрушенно почмокал губами и протянул: ? Н-нда-а, живем ? не люди и помрем ? не покойники. Вы вот папиросочки покуриваете, с ружьишком развлекаетесь ? все сорок удовольствий... Я это не в укор лично вам. Я это себе в укор, потому как своевременно не сообразил, где будет жизнь настоящая. Рассуждал так, что лучше быть первым парнем на деревне, чем последним женихом в городе, и вот... Одет он был бедно. Телогрейка в заплатках, штаны ? тоже. Старый суконный картуз прожжен на затылке, и в дыру, сливаясь с подпалиной, высовывался клочок рыжих волос. Только сапоги новые. К этому наряду очень не шло обличье незнакомца. Он плотный, коренастый, с красным, немного лоснящимся лицом. На лице этом нет ничего выдающегося ? все под один цвет. Лишь глаза несколько выделялись: маленькие, выпуклые, они напоминали пятнышки плесени на сдобном, но залежавшемся каравае. Странное свойство имели эти глаза. Когда они смотрели на меня, в них было что-то простодушное, но, как только глаза эти начинали глядеть в сторону, в них сразу появлялась настороженность, они темнели, на лице появлялось выражение сомнительности. Пока я разглядывал собеседника, в мешке его что-то зашлепало, и он, торопливо вскочив, сел на мешок. "Уж не рыба ли?" ? подумал я, вспомнив, что почти во всех протоках и ручьях входы перегорожены и поставлены морды. Сейчас рыба нерестится, в заливы на траву валом валит. Мужичок назвался Сергеем Поликарповичем Ковырзиным. Я сказал, что фамилия его мне знакома. Он изумился, но, когда узнал, что я работаю в газете, удивление его сменилось радостью. ? Мать моя! На ловца зверь! Да мне дозарезу надо поговорить с представителем печати, а в город вырваться не могу, горячая пора наступила. Последние слова он сказал как-то двусмысленно, и мне снова подумалось, что у него в мешке ? рыба. Предупреждая мое замечание, что в горячую пору надо быть в поле, Ковырзин заявил, взваливая мешок на плечо: ? Я миную трудодней еще зимой выработал. Пошли, что ли? ? И, больше не оборачиваясь, он зашагал к деревне, расположившейся на склоне горы. Я постоял в нерешительности и двинулся за Ковырзиным. Очень заинтересовал меня этот человек. А молодому газетчику, как известно, противиться любопытству трудно. Заслышав мои шаги, Ковырзин сбавил ходу и, как бы продолжая начатый разговор, заторопился: ? Про такое дело я вам, мил человек, поведаю, что зубы занюют. Статью либо филлетон напишете. Будет вам приятно с полезным. Чирок по суху не любит плавать! ? Он подмигнул мне и деликатно рассмеялся. Изба Ковырзина, обнесенная почерневшим от времени забором из половинника, стояла на самом пригорке. Из подворотни навстречу нам выкатилась лохматая дворняжка. Вместо того чтобы залаять, она принялась истоиво лебезить перед хозяином, будто век его не видала. Во дворе строгий порядок ? прибрано, подметено. Охорашиваясь, разгуливали по двору куры. У забора в тени благодушно похрюкивал поросенок. В доме тоже приятная чистота. Пахло свежеспеченным хлебом и чуть-чуть доносило угаром из русской печи. От всего этого дохнуло чем-то далеким, полузабытым. Но предаться сладостным воспоминаниям мне помешала хозяйка. Она попросила меня "пожаловать в комнату". Хозяйка была сухая, сморщенная, и я сначала принял ее за мать Ковырзина. Я начал отказываться, ссылаясь на грязную обувь, но хозяйка повторила свою просьбу с робкой настойчивостью. Хозяева о чем-то вполголоса переговаривались в кухне. До меня донеслись лишь последние слова хозяина: ? Да пошевеливайся, кляча!.. Я

огляделся. Первое, что бросилось в глаза, ? это газеты. На столе ? несколько номеров центральных, областных и. нашей городской. Я подумал, что хозяин приобрел их где-то оптом на раскур, но на угловике, рядом с патефоном, лежали старые, аккуратно сделанные подшивки. Кое-где на газетах виднелись отметки красным карандашом. Горница была убрана на городской манер: полочка с книгами, большое зеркало с трещинкой, как паутинка, флаконы из-под духов, несколько репродукций с хороших картин, кровать с горой пышных подушек. Над кроватью висели три портрета. Какой-то угодливый фотоделяга так старательно сглаживал несправедливости природы, что на портретах я с трудом узнал облик хозяев. Сергей Поликарпович выглядел поджарым молодцом, и толстая его шея, видимо, не удостоенная внимания ретушера как маловажная деталь, оказалась шире лица. Значительно "улучшена" была и хозяйка. Не удалось "мастеру" лишь заретушировать какое-то горестное оцепенение и затравленность в глазах ее. С третьего портрета подозрительно смотрела на свет белый дородная деваха с крупными бусами на бугристой груди. ? Октябрина ? дочка моя, ? пояснил незаметно появившийся хозяин. ? На следователя учится. Я пустил ее по этой линии, потому как нет для человека благородней дела, чем следить за порядком на земле. Закурив предложенную мной папиросу, он прошелся по комнате с заложенными за спину руками и докончил: ? Пишет теперь письма, а сначала уросила. ? Отчего же? ? Известно, дело молодое, неразумность, не в укор вам будь сказано. Круто я распорядился, вот с того и началось. ? Он присел на стул и помотал головой: ? Ой-ой, мокра было! ? Помолчав, Ковырзин доверительно сообщил: ? Давиться хотела. Ага, давиться. Да меня, брат, спектаклем не проймешь, не-ет. Замуж засобиралась за здешнего одного. Ну, какой замуж, ежели человек еще не на своей линии, ежели он сделал неравноценный выбор? Я полагаю ? неразумность эта от излишнего бушевания крови. Вот выучится, найдет себе образованную пару и еще меня благодарить будет... Появилась хозяйка с кринкой. Ковырзин смолк, нетерпеливо пережидая, когда хозяйка нальет молока и уберется. Я начал отказываться, но хозяин сам пододвинул мне стакан: ? Не брезгуйте, пейте, саму?-то я по всем правилам санитарным заставляю обращаться с продукцией, руки мыть перед дойкой. Лукерья! А ну покаж гостю руки! ? крикнул он. Из кухни послышались торопливые шаги. Я схватился за стакан, и Ковырзин кивнул хозяйке: ? Иди, не требуется. Пока я пил холодное молоко, Ковырзин повествовал мне о колхозных делах. Нового он почти ничего не сказал. Дела в колхозе были не блестящи ? это я знал. Несколько фактов о махинациях колхозного кладовщика Ковырзин заставил-таки меня записать в блокнот, и, пока я этого не сделал, он не успокоился. ? Вы его в филлетончике, в филлетончике протяните, ? подсказывал он. ? За факты ручаюсь, никакой подтасовки. Я сам селькор с тысяча девятьсот тридцатого года... Я допил молоко и, положив три рубля на стол, начал собираться. Хозяин засуетился: ? Вам ведь сдачу надо? ? Он пошарил по карманам, сокрушенно пожал плечами: ? Вот грех-то! Лукерья! Нет ли у тебя денег на сдачу? ? Он сбегал на кухню и мгновенно вернулся, разведя руками: ? Нету. Живем ? не люди ? и помрем ? не покойники. Ну, надеюсь, не в последний раз видимся, заходите, разочтемся... * * * Ковырзин как в воду глядел, когда говорил, что мы видимся не в последний раз. Зимой пришло в редакцию письмо от него. Подробно, со ссылкой на разные законы и постановления, он изобличал нового председателя колхоза. Были факты, и главный из них, на который делался упор, довольно серьезный. "Новый председатель колхоза товарищ Замухин, еще не обжившись в колхозе, показал свой интеллигентский нрав и при распределении аванса па трудодни взял себе центнер пшеницы, тогда как все остальные труженики нашей артели авансировались рожью". Есть над чем подумать! С одной стороны ? письмо в редакцию, а с другой ? Павел Замухин, тот самый Паша, который скрывал на фронте обнаружившуюся желудочную болезнь, чтобы его не отослали в тыл. Тот самый Паша, с которым мне довелось тянуть телефонную линию через Днепр, а потом мерзнуть и голодовать на плацдарме. Собственно, нашему брату голод был не так страшен. Мы резали куски от убитого коня, варили их в укромном местечке и жевали без соли. И рыбой глушеной не брезговали, ее там полно было. Помнится, не выдержав, больной Паша поел конины и потом корчился в грязной щели, кусая до крови губы. Меня на этом плацдарме ранило, а Паша умудрился дотянуть свою линию до Берлина. Летом я его встретил на вокзале в областном городе. В числе других добровольцев он ехал в наш район работать председателем колхоза. Паша торопился, и поговорить нам не удалось. Мы только условились как-нибудь встретиться в колхозе. И вот встреча наша должна состояться. Пожалуй, надо пойти к редактору и отказаться от поездки в колхоз. Не с жалобой же в кармане должны встретиться друзья-фронтовики! Но я уже успел немножко изучить нашего редактора. Узнав о моей старой дружбе с Замухиным, он непременно пошлет меня с этим письмом, чтобы проверить "качество" молодого газетчика на таком щекотливом деле... Павел встретил меня просто. Лишь долго не выпускал он мою руку из своей и все тянул куда-то, пытаюсь усадить меня рядом с

собой на один стул. Он забрасывал меня вопросами, не дожидаясь ответа, рассказывал сам. Потом спохватился: ? Ты чего помалкиваешь? Я болтаю, болтаю... ? Я ведь к тебе по делу, Павел. ? К дьяволу дела! ? сказал он и сунул какие-то бумаги в стол. ? У меня ведь, братуха, сегодня сплошные радости: семья приехала, ты нагрнул! Пойдем мы сейчас пообедаем и даже выпьем по такому случаю. Ты чего глаза вытарашил? А-а, старую историю вспомнил, насчет моего желудка беспокоишься? Курсак, братуха, теперь в порядке. Один профессор все мои язвы аннулировал. Так что теперь не рассчитывай на две порции! ? Павел рассмеялся: ? А много же ты за меня водки выпил, ой, много! Посчитай: весь сорок второй да по октябрь сорок третьего. Да ладно уж, не буду взыскивать, пользуйся моей добротой... Павел балагурил, смеялся. Я старался отвечать на его искреннюю радость, как умел, но ничего у меня не получалось. Обедать с Павлом я отказался. ? Почему? ? удивился Павел. Я сказал ему прямо обо всем, сохранив, как полагается, фамилию автора письма в тайне. Павел сидел несколько минут, растерянно глядя на меня. Радостное выражение исчезло с его лица, у губ легли складки обиды, брови насупились, и он сделался еще бледней. Неожиданно он вскочил и грохнул по столу. Мелкой рыбешкой брызнули в разные стороны карандаши, ручки, скрепки. ? Серега! Кр-ровосос! Его работа! ? закричал Павел и, схватившись по старой привычке за переносицу, опустился на место. ? Сил больше нет, братуха! Убью я его! Честное слово, угроблю! На душу грех возьму! Пусть судят! Вот как может измениться человек! Где тот мягкосердечный, спокойный Павел Замухин, которого я знал прежде? ? Ведь он двух председателей отсюда выжил, ? жаловался мне Павел, ? семерых кладовщиков ? итого, девять! Ты понял, десятерых живьем съел?! Теперь меня доедает, за каждым шагом следит, гнида! Ну, подметил бы какую ошибку, пришел бы, так нет, он чик-чирик жалобитку. Вот они, полюбуйся. Это мне начальству ответ давать... ? Павел выбросил из стола ворох бумаг с сопроводительными бланками. ? От такой работы меня скоро родимчик хватит! ? Павел надел шапку, снял полушубок с вешалки и, придавив подбородком шарф, с усталой раздраженностью закончил: ? И сунуло меня выписать эту пшеницу! ? Ты действительно?... Павел, уже одетый, встал возле стола, забарабанил пальцами по стеклу. ? Да, братуха. Понимаешь, нельзя мне было после операции черный хлеб есть. Я сначала все в город заказывал, а потом с деньгами заминка вышла, семью перевозить надо было, ну, правленцы знают о моей хворобе, уговорили, постановили. Раздобрились они на радостях. Первый раз за последние годы хороший урожай взяли. И я тоже уши развесил. Теперь мне этот центнер пшеницы что бревно в глазу. Опять же, не согласись я взять эту несчастную пшеницу, он меня на другом деле подсадил бы. Так обедать не пойдешь? Правильно делаешь. А то и на тебя жалобу нагвоздит. * * * Лишь к вечеру я закончил обход изб. Время я потратил почти без пользы. Колхозники встречали меня приветливо, но, как только заходила речь о Ковырзине, они отвечали на вопросы неохотно, а то и вовсе отмалчивались. ? Да что, на самом деле, боитесь Ковырзина, что ли? ? не выдержав, спросил я у доярки на молочной ферме. Доярки долго переминались, глядели мимо меня. Наконец пожилая женщина в шахтерских калошах поднялась и, развязывая тесемки халата, призналась: ? Боимся, скрывать нечего. Почитай, все мы не одинаво бывали в суде свидетелями или ответчиками, а без суда сколько лиха перетерпели от него, супостата! Ты послушаешь нас да и отбудешь, а он вынюхает, что мы тебе жалобились. ? Доярка повесила халат на деревянный крюк и подседа к столу, где женщина-бригадир заполняла табель и внимательно прислушивалась к нашему разговору. ? Он ведь, Серега-то, себе на уме, ? продолжала разговор пожилая доярка. ? Молчит до поры до времени, а потом ушибет, да так, что и свету не взвидишь. Вот со мной был случай. Приехал ко мне сын из армии в кратковременный отпуск. Пальнул из орудья на ученьях как следует, и ему, стало быть, отпуску десять дней вышло ? как награждение. А дома-то прихворнул от переутомленья сил. Гулянки, девчата, то, се. Ну я к фершалу. Христом Богом вымолила у него справку. ? Доярка рассмеялась, и все вокруг тоже заулыбалось. ? Словом, "поправили" и отправили артиллериста. Да вот возьми и отчисти я Серегу на собрании. И закрутилась машина: Серега в часть письмо насчет того, что сын мой болел из-за чрезмерного распития. В райздрав жалобу. Ну, фершалу выговор, сына на губахту... В разговор втянулись и другие доярки. Сначала они все оглядывались на двери и углы, точно боялись, что там кто-то сидит и подслушивает, а потом перестали остерегаться. И услышал я много любопытного. Все чаще и чаще в разговорах мелькало слово "колдун". Оказывается, за Ковырзиным давно укоренилось это прозвище, и он его, как я понял, не опровергал. По деревне шли слухи о том, что Серега может посадить килу, сглазить малолетнего ребенка, скотину или жениха от невесты отвадить. Намажет скобу в доме невесты каким-то зельем ? и баста, жених к другой переметнется. У Сереги и отец колдун был. Еще в давние времена Серегин отец одну свадьбу испортил. Положил на дорогу метлу, плюнул три раза, шепнул что-то, и готово дело ? доехал свадебный поезд до метлы,

пляшут кони, а с места ни шагу! ? Это из-за того, что приглашением обошли, ? пояснила все та же словоохотливая женщина. Молодые доярки взвизгивали от смеха, слушая эту небывальщину, и начисто отрицали колдовство. Завязался спор. В конце концов все пришли к выводу, что Серегу надо бы прогнать из колхоза. А как это сделать? Минимум трудодней Серега вырабатывает. Осенью на рынке в артельном ларьке овощами торгует, а то инструменты кузнечные в пользование даст, чтобы ему соточки вписали. Пробовали не брать у него инструмент, так он на птичник к Лукерье прилачился. Спит там, похрапывает, а Лукерья работает и записывает на двоих трудодни. Так вот он и наскребает минимум. Благо минимум этот одинаков для такого битюга, как Серега, и для старухи. Конечно, Серега не всегда вредничал. Был в колхозе председатель Куркин, снюхался с Ковырзиным, поставил его кладовщиком ? и притих Серега. Да Куркину-то по шапке дали и Сереге тоже. Даже из колхоза его турнули. Но Серега обжаловал постановление общего собрания перед районным начальством. Оттуда бумага с печатями пришла: "Нет никакого основания исключать товарища Ковырзина". После того еще больше озлобился на односельчан Серега. Если, к примеру, его сейчас снова кладовщиком поставить или депутатом в поссовет выбрать, он успокоится. Очень охота быть Сереге депутатом, чтобы на интеллигента походить, страсть высказываться любит. Сыплет, как по газете, заслушаешься. В конце каждой речи Серега зычно каркает: "Мир и пролетарьят восторжествуют во всем мире!" Но депутатом Серегу все равно не выбирают... * * * На заседании правления, где решались важные артельные вопросы, Ковырзина тоже не обошли разговором. Он был словно чирей на холке, на которую, как ни остерегайся, все равно сядешь. Один правленец разгорячился и заявил: ? Отлуплю я его под пьяную руку! Честное слово! Ведь жилы из всех вытянул! ? Ну и попадешь в тюрьму, ? сказал пожилой колхозник. Утром я встретился с Ковырзиным в том самом доме, куда меня уже не манило после первого разговора с хозяином. Но служба есть служба! Ковырзин приветствовал меня с подчеркнутой строгостью и вежливостью. Теперь я был для него не случайный встречный, а человек, уполномоченный проверять жалобы. Я попросил Ковырзина показать мне ответы на его жалобы. ? Все? ? поинтересовался он. ? Давайте все. Он подал мне объемистую папку с бумагами. Чего тут только не было: вежливые ответы на солидных бланках из Верховного Совета лежали сверху, а под ними пространные ответы обкомовских и райкомовских комиссий. Еще ниже ? торопливые и не всегда ясные ответы из газет. Дальше ? бумаги из прокуратуры, судов, сельсоветов. Заглядывая через мое плечо, обладатель этих "сокровищ" бросал короткие комментарии: ? Это с Москвы! Это из области насчет председателя Анкудинова. Знали его? Спекся милый. Подловил я его на одном дельце. А это вот, ? голос Ковырзина как-то сладко задрожал, и он даже перестал сопеть мне в ухо, ? это письмо самим всесоюзным старостой, покойничком Михайлой Ивановичем подписано. Даже опытному газетчику трудно говорить с такими людьми, как Ковырзин, а мне оказалось это вовсе не по силам. Я сорвался на первых словах: ? Это же черт знает что! ? тряхнул я бумагами: ? Это ж... Вы ж людям жизнь отравляете! Работать надо, а не писать!. Ковырзин властно высвободил из моей руки бумаги, разгладил их ладонью и, завязывая папку, спокойно заявил: ? Молоды учить меня. Молоды! А писать я имею право по Конституции страны социализма, потому как должен кто-то следить за порядком. Неужто вам с Замухиным это дело доверить, а? ? Он хитровато и многозначительно прищурился: ? Вот, к примеру, насчет пшеницы. Равноправье? Равноправье! Так почему я, честный труженик сельского хозяйства, организатор Советской власти, активист коллективизации, селькор с тридцатого года, должен жрать аржанцу, а какой-то выскочка из интеллигентов ? белянский хлебец? Что записано в Конституции, нашем золотом законе?.. ? Слушай, ? потеряв всякое терпение, оборвал я ораторствующего собеседника. ? Да понимаешь ли ты, что такое наша Конституция? ? Я сделал ударение на слове "наша", но Ковырзин не уловил моей иронии. ? Не будь этой Конституции, так односельчане давно бы тебя распотрошили. Ковырзин ошарашенно уставился на меня: ? Да ты что, запугивать?! Ты кто, представитель советской печати или кто?! А-а, вон что! Председатель-то твой старинный дружок. Так, так, так! Я вас еще колупну, колупну-у. Честного труженика, организатора Советской власти под ноготь... Я-а вас... * * * Совсем недавно я встретил Ковырзина еще раз в несколько необычном месте. Моесь в городской бане, я заметил, как из парилки, точно ошпаренные, выскакивали люди. Они плевались, кого-то нещадно кляли. Я спросил у парня с татуировкой на груди: ? Чего шумим? ? Да залез какой-то толстомясыый на полку и газует пар, дышать нечем. Всех выжил, один парится. Я уже одевался, когда из парилки появился человек. Весь он был облеплен темными листьями и не совсем ладно прикрывался исхлестанным веником. С трудом достигнув скамейки, он плюхнулся на нее. Это был Ковырзин. ? Дошел! ? покачал головой парень с наколкой на груди. ? Вот она, жадность-то... Глаза Ковырзина были закрыты, грудь тяжело вздымалась. Казалось, он уже заснул. Но спустя несколько секунд он подал слабый голос: ? Вот ты, мил человек, шумишь, а почему шумишь? Я,

Астафьев Виктор Коршун astafevvictor.ru

может, имею законное право попариться всласть раз в год!.. ? Не городи ерунду! ? слышались отовсюду разные голоса. ? Как это ерунду? ? рассердился Ковырзин и даже попытался приподняться на скамейке, но руки его подломились, и он опять сник. ? Чтобы нашу баню истопить, надо кубометру дров спалить, да ведер пятнадцать из-под угору воды принести, да вовремя скутать баню, да плескать на каменку. И все это делать старухе. А старуха-то одна и хлипкая сделалась, плеснет разок и лежит на пороге, голову наружу. Раньше на каменку дочка сдавала, а потом из возраста вышла, нынче здесь робит следователем. Я вот в гости к ней приеду ? и в баньку. Благодать! За полтора целковых хлещись, сколь душа желает, и воды без нормы.. На следующий день я позвонил в колхоз и услышал ликующий голос Павла: ? Выгнали, выгнали мы Серегу! ? Каким образом? ? А самым обыкновенным. Только получил народ газеты с постановлением насчет Устава артели и сразу ко мне. "Собирай собрание, будем гнать единоличников из колхоза. Первого Серегу выдавим, как чирей!" Я говорю: "Дорогие товарищи, больно вы уж круто, потолковать бы еще с ним". ? "Никаких толкований ? гнать!" Ну и все: "спекся, мил человек". Вон оно что! То-то я заметил, что за последнее время тематика писем Ковырзина заметно расширилась. Он все чаще и чаще пишет на городские темы, не оставляя пока в покое и деревенских. Три разоблачительных заметки он написал о завхозе "Горпищекомбината". Утратил Ковырзин надежду выбиться "в люди" в деревне, пробует это сделать в городе. 1956

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!